

УЗНАТЬ В СЕБЕ ПРОРОКА

К 75-летию со дня рождения Евгения Винокурова

Геннадий Красников

ИЗВЕСТНА характеристика, которую Пушкин дал Евгению Боратынскому: «...он у нас оригинален, ибо мыслит». Похоже, и во времена Александра Сергеевича мыслящий человек казался оригинальным, непохожим на своих современников — ибо был до чрезвычайности редок. В современной поэзии также можно по пальцам перечесть людей, обладающих этим качеством.

Евгений Винокуров был одним из них. Хотя кому-то и представляется, быть может, все понятным, доступным в его поэзии. Иллюзия доступности возникает оттого, что мысль в стихах Винокурова рождается не из холодных метафор, не из лингвистического камлания или авангардного трюкачества, а найдена она на земле, под ногами, среди предметов и вещей обыденных, примелькавшихся, подчеркнута прозрачными. Так когда-то проработала она болдеровскими «цветами зла», уитменовскими «листьями травы», ахматовскими признаниями «когда б вы знали, из какого сора...»: так Винокурову советовал отыскивать поэзию Пастернак, прочитавший и высоко оценивший его книгу «Синева»...

В свое время Винокуров написал знаменательное стихотворение «Пророк», отталкивающееся от традиции Пушкина и Лермонтова, но отразившее в себе при этом нечто новое, иное, присущее уже исключительно XX веку:

*И вот я возникаю у порога...
Меня здесь не считают*

за пророка!

Я здесь, как все. Хоть на меня

взирают

Во все глаза глядят они, однако

Высокого провидческого знака

Не могут разглядеть

на лбу моем...

Если в XIX веке пророк был слишком узнаваем, от чего страдал и бывал побиваем камнями, то теперь он растворился в толпе, возможно, опасаясь преследований, репрессий или даже ответственности или того хуже — падения в глазах «общественности» до пошлого анекдота. Такое поведение стало характерной чертой жизни общества двадцатого столетия, тем более в России с ее вечным «без пророка в своем отечестве».

В этом своеобразии поэзии Евгения Винокурова — мы словно видим сами себя в сиюминутности, мы узнаем мир, не слишком церемонящийся с нами. Мы забываем о своей неповторимости, единственности, не можем (или не хотим!) разглядеть «провидческого знака» на собственном лбу. Но не для фиксации же очередной будничной коллизии пишет поэт свои стихи? Всякий раз он исподволь готовит нас к неожиданному озарению, взлету над собой, к прозрению, когда вспоминается главное:

Ведь где-то там оставил я

за дверью

Котомку, посох и багряный

плащ...

Помнится, критика назвала перечисленные поэтом вещи бут-

*Купавши нас газетой —
— 2000 — 21 окт. — с. 7*

Евгений Винокуров.

Фото Александра Карзинова

форскими, театральными. Но ведь и нищенское облачение Сократа кому-то казалось в свое время показным, а речи самого философа — смешными и оторванными от реальности. И когда поэт напоминает, утверждает, что в каждом из нас, быть может, живет Сократ, философ, что мы не безликая однородная масса, — мы почему-то первыми бросаем в него камень и обвиняем в театральности. Поэт от книги к книге продолжает утверждать свою правду: «Я, люди, с вами ел и пил... / Я, единица, не был дробью! / И все же род людской лепил / Меня по своему подобью...» Спокойно, без надрыва и горько повествует Винокуров о человеческом общежитии, о времени, об обществе, о нашей зависимости от условностей мира. Только цельность личности, только самоуважение и достоинство уберегают нас от примирения с условностями: «...Вы люди. Но и я ведь тоже!»

Давно, более сорока лет назад, Евгений Винокуров написал стихотворение «Доброта», без которого, как мне кажется, нельзя понять всех последующих — суровых, драматических, философских, ироничных — стихов поэта. Нельзя понять, откуда же должен черпать силы человек на пути к истине, в борьбе с усредняющей агрессией современной цивилизации: «Я все занесу на скрижали, / железную точность храня, — / и то, как меня обижали, / и то, как жалили меня...» Благородный строй этих строк далек от плаксивых записей в «книге жалоб и предложений», адресованной Судьбе. Тональность, лад стиха поднимает и нас над обидами, заставляет поверить, что жизнь не безнадежна: «О русские веси и грады! / Прошел я немаю путей / и вышней не знаю отрады, / чем доброе слово людей...»

Евгений Винокуров принадлежит к фронтовому поколению, которое, увы, пострадало не только от трагедии Великой Отечественной войны. Поэт, рассказав многое о своих ровесниках-победителях, написав хрестоматийные стихи о войне, параллельно с этой суровой поэзией пытался противостоять ду-

ховной и интеллектуальной обезличенности, заговаривая о красоте и неповторимости человека.

Позже он признается: «Я дневника не вел. Я фактов не копил. / Я частность презирал. Подробности ненавижу. / Огромный свет глаза мои слепил. / Я ничего вокруг себя не видел...» И когда он захотел что-то припомнить из той эпохи, то в его памяти не всплыло «ни черточки случайной, ни детали...»:

Хоть малость бы какую!

Нет как нет!

*Передо мною лишь одно, не боле,
Один лишь белый тот слепящий свет,*

Глаза, как бритва, режущий

до боли...

Вот он — через годы слепящий, бьющий по глазам, режущий свет Правды времени. Он не в обвинительном перечислении фактов, он в состоянии души — страдающей, кричащей от боли, кающейся, отягченной проблемами века или же заботами быта (все это, кстати, в винокуровском космосе гармонично закольцовано, замкнуто в круг бытия).

Было бы не диалектично, неестественно для такого поэта, как Винокуров, не попытаться понять, где же начало добра и зла, справедливости и несправедливости... Следуя внутренней логике своего лирического повествования, поэт беспощадно вглядывается в даль, в то время, когда начинается история уже нашего времени:

Мой дядя в двадцать пятом командовал полком.

Он был крутым солдатом.

Прямым большевиком...

Он пробежал сурово

с утра столбцы газет, —

пожара мирового

все что-то в мире нет...

Он вечно жил, готовясь

к тому, что впереди.

Торжественная совесть

жила в его груди.

...Высокий шлем, и шрама

над бровью полоса...

Он смотрит зло и прямо

с портрета мне в глаза.

Точнее не рассказать о тех людях! Да, именно их чистота, «торжественная совесть» дает им право со-

треть нам в глаза прямо. Но не потому ли, однако, «зло и прямо» смотрит тот «крутой солдат»... что недоволен нами, слабо преданными его идеалам, но и тем, что сам не на все наши современные вопросы может ответить из своих двадцатых годов... Есть что-то пугающее в этом взгляде, пристальное, нечто от 37-го года — и от взгляда этого не спрячешься, от которого до сих пор в нас живет рабское чувство смирения. Винокуров не прячет от своего читателя и темной стороны Правды.

Евгений Винокуров многозначен, мудр особой, выстраданной простотой. В его строках нет надменности, высокомерия, помпезности. Если он насмешлив, то, как правило, над самим собой, над своими упорно не скрываемыми слабостями, что тоже редкость, если учесть, что вся поэзия — сплошное самолюбование. Даже о самом возвышенном, сокровенном, он говорит, умышленно снижая пафос, стыдясь громких слов:

...Простите мне, стихи.

Хозяйственного мыла
я приобрел и леденцов на вес
за вас, пришедшие мне из другого
мира,

ниспосланные мне так, ни
за что, с небес.

Его строки человечны, потому что неустанно ходатайствуют перед миром в пользу самых простых людей. Поэт никого не стыдит, не утешает, не призывает к милосердию, но скупно и тихо пишет об одиночестве, трагичности бытия:

...А где-то в людном мире
который год подряд
одни в пустой квартире
их матери не спят...

Эти строки из знаменитого стихотворения-реквиема, ставшего песней, «Серезжа с Малой Бронной». Они — раз услышанные — не дают успокоиться, забыть, простить...

В конце января 1993 года почти день в день совпали два разноречивых события. В крематории Донского монастыря на холодном каменном постаменте стоял массивный гроб с телом Евгения Винокурова. С поэтом прощались друзья, ученики, почитатели. Казалось, что на лице покойного застыла саркастическая улыбка, какие изображались на старинных рисунках, где мудрые и веселые клоуны и скomorохи показывали нос миру, который они наконец перекричали...

В то же самое время принимал поздравления новый член Союза писателей, только что, так сказать, заполнивший зияющую брешь в литературных рядах — небезызвестный Анатолий Лукьянов, поэт и крупный государственный деятель. И все было бы ничего — мало ли у нас принято в Союз писателей бездарных, но нужных людей: парикмахеров, банщиков, мясников, министерских юристов... даже генерального секретаря туда сватали. Незадолго до смерти Евгений Винокуров, один из лучших поэтов XX века, чуть ли не с гордостью рассказывал мне, что на сессии Верховного Совета СССР сам Лукьянов прощитировал его, Винокурова, стихи! «Господи, — подумал я тогда, — откуда в нас эта несвобода, это трепетание перед властями передерживающими!..» И только теперь реальная смерть своего бесспорного подлинностью словно смеялась над профанацией нашей жизни...